Д. Р. Галкина [a]
https://orcid.org/0009-0004-6333-9906
✉ *dgalkina@hse.ru*

Б. В. Орехов [a]
https://orcid.org/0000-0002-9099-0436
✉ *borekhov@hse.ru*

П. В. Староверова [a]
https://orcid.org/0009-0000-2869-8955
✉ *starowerowa.poly@yandex.ru*

[a] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

О чем пишут в дневниках? Тематическое моделирование на корпусе «Прожито»

Аннотация. Исследование проводится на материале дневников корпуса «Прожито», которые фиксируют воспоминания людей на протяжении XX в. Цифровой подход в виде тематического моделирования позволил обработать обширный материал, не поддающийся детальному анализу традиционными методами, и сформировать репрезентативную выборку для исследования. В работе анализируются ключевые темы, в разные десятилетия волновавшие авторов дневников, оказавшихся в подборке. Выделяются сквозные темы, которые так или иначе присутствуют в дневниках на протяжении всего XX в., а также такие темы, которые привлекают внимание авторов дневников в отдельные десятилетия. К первым можно отнести личную жизнь, питание, религию, новостные поводы и события в сфере культуры. Ко вторым — фотографию в 1950-е, космос в 1960-е, экономическую деятельность в 1980-е, ожидание миллениума в 1990-е. Работа демонстрирует, как использование цифровых методов при работе с дневниками позволяет наблюдать взаимодействие «большой» истории с повседневностью и микроисторией, образуя целостную картину прошлого.

Ключевые слова: тематическое моделирование, эго-документы, история повседневности, микроистория, исследования памяти, дальнее чтение

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-031).

Для цитирования: *Галкина Д. Р.*, *Орехов Б. В.*, *Староверова П. В.* О чем пишут в дневниках? Тематическое моделирование на корпусе «Прожито» // Шаги / Steps. Т. 12. № 3. 2026. С. 278–312. EDN: TUDEOH.

Поступило 25 ноября 2025 г.; принято 3 июля 2026 г.

© Д. Р. ГАЛКИНА, Б. В. ОРЕХОВ, П. В. СТАРОВЕРОВА, 2026

EDN: TUDEOH

D. R. Galkina [a]
https://orcid.org/0009-0004-6333-9906
✉ *dgalkina@hse.ru*

B. V. Orekhov [a]
https://orcid.org/0000-0002-9099-0436
✉ *borekhov@hse.ru*

P. V. Staroverova [a]
https://orcid.org/0009-0000-2869-8955
✉ *starowerowa.poly@yandex.ru*

[a] *HSE University (Russia, Moscow)*

What did they write about?: Topic modeling personal diaries from the "Prozhito" archive

Abstract. The study explores the thematic evolution of Russian-language personal diaries throughout the 20th century, utilizing the extensive digital corpus of the "Prozhito" archive. The research employs topic modeling to process and analyze a vast collection of diary entries that would be unmanageable for detailed scrutiny using traditional close-reading methods. This methodology enables the identification of dominant themes and the formation of a representative sample for a comprehensive longitudinal study. The findings reveal a distinction between perennial themes, which persist throughout the entire century, and period-specific topics that capture the spirit of particular eras. The enduring themes include personal life, food and nutrition, religion, news events, and cultural life. In contrast, distinct temporal markers include photography in the 1950s, space exploration in the 1960s, economic activity in the 1980s and anticipation of the millennium in the 1990s. Ultimately, the study demonstrates how the application of digital methods to a collection of personal diaries allows for a novel observation of the dynamic interplay between "grand history" on the one hand, and microhistory, reflecting how large-scale historical processes were experienced, interpreted and internalized by individuals, on the other. By bridging these narrative scales, the research constructs a more holistic picture of the past, showing how personal documents, when analyzed computationally, can enrich our understanding of historical consciousness.

Keywords: topic modeling, diaries, history of everyday life, microhistory, memory studies, distant reading

Acknowledgements. This work is an output of a research project, HSE-BR-2025-031, implemented as part of the Basic Research Project at HSE University.

To cite this article: Galkina, D. V., Orekhov, B. V., & Staroverova, P. V. (2026). What did they write about?: Topic modeling personal diaries from the "Prozhito" archive. *Shagi / Steps*, *12*(3), 278–312. EDN: TUDEOH. (In Russian).

Received November 25, 2025; accepted July 3, 2026

© D. R. GALKINA, B. V. OREKHOV, & P. V. STAROVEROVA, 2026

Введение

В рамках проекта «Прожито», который развивается с 2015 г.[1] под руководством М. А. Мельниченко, ведутся работы[2] по сбору и публикации текстов дневников — датированных личных записей. Коллекция «Прожито» позволяет пользователям не только читать конкретные дневники, но и оперировать текстами как большими массивами данных: получать выборки по датам, полу, возрасту, месту ведения дневника и т. д. Сама идея обработки дневников — следствие антропоцентрического поворота в исторической науке — родственна такому направлению, как устная история (oral history), практике сбора и изучения воспоминаний очевидцев исторических событий. В Европе есть идейно сходные проекты, например, Bureau of Military History в Ирландии (коллекция свидетельств очевидцев революционных событий в Ирландии с 1913 по 1923 г.)[3]; Post Bellum в Чехии (организация собирает и записывает воспоминания свидетелей исторических событий XX в.)[4]; The Great Diary Project (крупнейших архив дневников в Европе)[5]; Dutch Diary Archive (коллекция дневников на нидерландском языке)[6].

Методы цифровых гуманитарных наук открывают возможность работы с такими большими объемами текстов, позволяя перейти от традиционного медленного чтения к дальнему чтению (distant reading) для выявления масштабных историко-культурных тенденций. Архив «Прожито» уже привлекал внимание исследователей в области цифровых гуманитарных наук. В частности, авторы статьи [Vorobeva et al. 2025] применяют к корпусу количественные методы для решения ряда исследовательских задач: изучения жанрового разнообразия внутри дневникового континуума, анализа влияния официального дискурса на язык личных записей, а также для отслеживания эволюции нарративных практик в зависимости от исторического контекста. В статье [Goloviznina et al. 2026] для выявления мотивации авторов «Прожито» к созданию эго-документов предлагается метод анализа корпуса дневников при помощи больших языковых моделей. Настоящее исследование ставит целью выявление круга тем, наиболее значимых для авторов дневников XX в.

О составе корпуса

Материалом для исследования послужил исследовательский корпус, предоставленный авторам М. А. Мельниченко до учреждения Центра изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-

[1] Полные тексты дневников, цитируемых в работе, можно найти на сайте проекта (URL: https://prozhito.org/).

[2] О механизмах работы архива см.: [Муждаба и др. 2025].

[3] URL: https://www.militaryarchives.ie/collections/online-collections/bureau-of-military-history-1913-1921/.

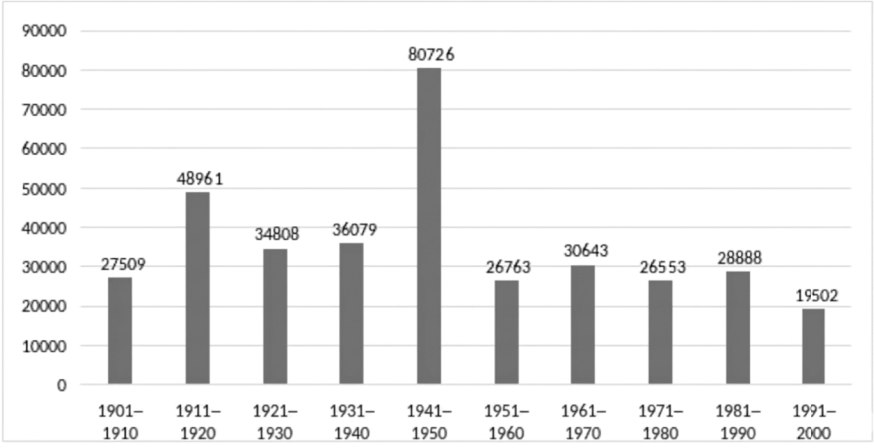
[4] URL: https://www.postbellum.cz/.

[5] URL: https://thegreatdiaryproject.co.uk.

[6] URL: https://www.dagboekarchief.nl.

Петербурге. В корпус вошло 460 432 записи общим объемом 61 322 179 слов.

Помимо текстов записей, в базе данных «Прожито» в большинстве случаев нам доступна информация о том, когда и на каком языке был написан текст, а также имя автора, годы его жизни и род деятельности. Корпус содержит дневниковые записи с 1581 по 2018 г., однако они распределены во времени неравномерно (о принципах отбора записей см.: [Мельниченко, Сенюхин 2025]); наибольшая концентрация текстов приходится на XX в. — 374 770 записей (то, как число записей распределяется по десятилетиям[7], представлено на ил. 1). На них мы и сосредоточимся ниже, поскольку статистические методы лучше всего работают именно с большими текстовыми объемами.

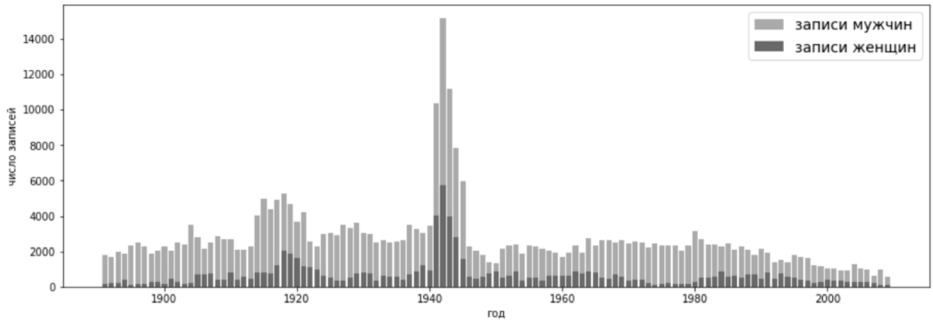

Ил. 1. *Распределение записей в корпусе с 1901 по 2000 г.*

Fig. 1. *Distribution of entries in the corpus during 1901–2000*

На ил. 2 представлено распределение в корпусе записей, сделанных женщинами и мужчинами. Соотношение таких записей в период с 1891 по 2010 г. неравномерно: более 320 тыс. мужских записей и 81 тыс. женских. На рисунке мы наблюдаем всплеск в количестве записей, сделанных женщинами, приходящийся на первую половину 1940-х годов. Но число мужских записей в этот период также выше. При этом в период с 1960 по 1990 г. количество записей мужчин примерно постоянно, около 2000 записей за один год, а в количестве женских записей в 1970-е годы виден явный спад.

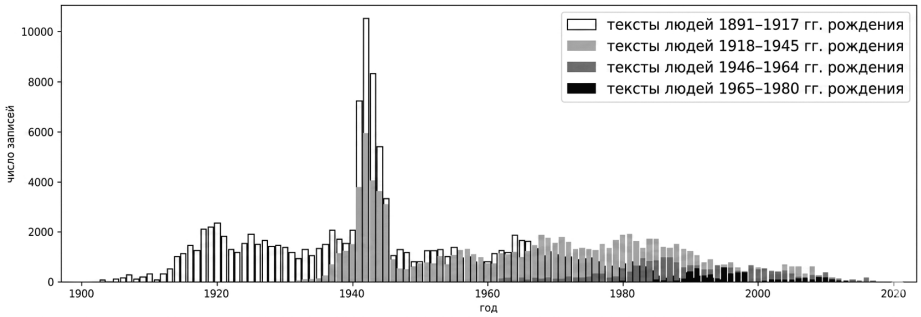
[7] Выбор десятилетия как основной хронологической единицы для анализа корпуса соответствует общепринятой исследовательской практике описания протяженных временны́х периодов (см. работу [Бонч-Осмоловская 2018] о мнемоническом образе десятилетий XX в.).

Ил. 2. *Распределение записей мужчин и женщин в корпусе с 1891 по 2010 г.*

Fig. 2. *Distribution of male and female entries during 1891–2010*

Поскольку для более чем половины авторов (2493 из 4328 авторов в корпусе) нам доступна информация о годах жизни, мы также можем получить информацию о поколенческом составе корпуса и возрасте, в котором автор ведет дневник. Больше всего записей принадлежит людям поколений 1891–1917 гг. рождения (121 368 записей) и 1918–1945 гг. рождения (92 470 записей). Людям, родившимся после 1945 г., в корпусе принадлежит всего около 25 000 записей (см. ил. 3). Все эти наблюдения характеризуют не столько привычку к ведению дневников представителями разных поколений, сколько разнообразные тенденции, влиявшие на попадание текстов в базу «Прожито».

Ил. 3. *Распределение записей по поколениям в корпусе с 1903 по 2018 г.*

Fig. 3. *Distribution of entries in the corpus by generation during 1903–2018*

Методы и обработка данных

Мы подошли к дневниковым записям с инструментарием тематического моделирования — статистического метода, позволяющего выявить скрытые тематические структуры в корпусе текстов. В его основе лежит представление о теме как о наборе слов, которые имеют высокую вероятность совместного появления в документах, относящихся к одной семантической

области. Такой метод используется для получения информации из больших массивов текстов, например, газетного архива или корпусов СМИ: выделение тем, связанных с хло́пком, в газетах Техаса от Гражданской войны в США до настоящего времени [Yang et al. 2011], выявление трендов модернизации и секуляризации финского общества на основе анализа периодики [Marjanen et al. 2021], исследование тематики текстов литературно-художественной печати в течение века [Goldstone, Underwood 2014] и другие (см. обзор применений тематического моделирования в социогуманитарной сфере: [Лейбов, Орехов 2022]). Тематическое моделирование, осуществленное на материале текстов, распределенных по десятилетиям, может позволить нам понять, какие темы волновали авторов дневников «Прожито» на каждом отрезке времени; каков состав постоянных тем и какие темы проявляли себя только в определенный период; какие события нашли отражение в дневниках и какую оценку они получили. При этом следует учитывать, что мы имеем дело не с генеральной совокупностью личных записей, а с их специфической коллекцией, сформированной в рамках архивного проекта. Так, преимущественную долю в этой коллекции занимают ранее опубликованные дневники, т. е. с некоторой вероятностью заведомо предполагавшие публичность. Создававшиеся в рамках стратегии сохранения приватности дневники могут иметь иное тематическое распределение.

Существует несколько алгоритмов тематического моделирования: LSA, pLSA, LDA и др. В настоящем исследовании использовалась реализация LDA для библиотеки Gensim[8] как наиболее распространенного и интерпретируемого инструмента для решения подобных задач. Алгоритм LDA (латентное размещение Дирихле) построен на основе распределения вероятностей Дирихле. Он представляет собой трехуровневую иерархическую байесовскую модель, которая предсказывает вероятность встретить тему в документе или слово в теме.

В качестве единицы анализа была выбрана одна дневниковая запись. Перед построением тематической модели тексты корпуса были лемматизированы и очищены от стоп-слов[9]. На их основе был создан словарь, из которого мы исключили слишком частотные (встречающиеся более чем в 10% документов) и редкие (встречающиеся менее чем в 40 документах) слова. Далее подкорпус был преобразован в «мешок слов» — упрощенное представление текста без учета синтаксиса и порядка слов, но с сохранением информации об их количестве. У нас не было возможности разделять омонимы.

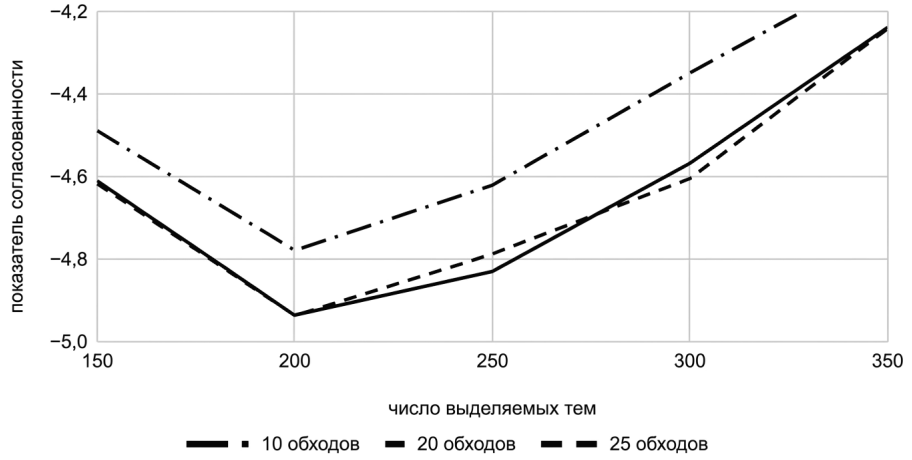
Результатом тематического моделирования выступают «топики». Обычно этот термин передают в русскоязычном контексте как «тема», но нужно учитывать, что речь идет не о темах в привычном смысле, а о наборах

[8] О модели LDA см. официальный сайт Gensim (URL: https://radimrehurek.com/gensim/models/ldamodel.html).

[9] См. список стоп-слов русского языка, составленный Б. В. Ореховым для задач обработки текстов в рамках Digital Humanities (URL: https://github.com/dhhse/dh2020/blob/master/data/stop_ru.txt).

контекстуально связанных слов, ассоциативно соотносимых с тематикой текста. Например, набор *банк*, *деньги*, *кредит* представляет собой топик, репрезентирующий финансовую сферу. Далее во избежание путаницы мы будем прибегать к слову *топик*, когда речь будет идти о техническом термине (наборе слов как результате тематического моделирования), и к слову *тема*, когда будем говорить об обобщении выделенного набора слов.

Определение оптимального количества топиков и итераций (для достижения лучшего результата процедура выполняется многократно, итеративно) для конкретного набора текстов представляет собой нетривиальную задачу, которую принято решать эмпирически. Для оценки качества результата моделирования обычно используются две метрики: сложность (perplexity) и согласованность (coherence score). При выборе лучшего набора тем для наших подкорпусов мы вычисляли сложность и согласованность по метрике u_mass. Параметр сложности оказался в нашем случае неподходящим: чем больше тем мы выделяли, тем более высоким получался параметр сложности, поэтому выводы о том, какую именно модель необходимо тренировать на каждом конкретном подкорпусе, мы делали на основании параметра согласованности: чем меньше значение, тем более согласованной считается модель [Röder et al. 2015].

Ил. 4. *Значения согласованности для подкорпуса текстов с 1951 по 1960 г.*

Fig. 4. *Topics coherence score for the subcorpus of texts written during 1951–1960*

На ил. 4 представлены значения согласованности для подкорпуса текстов, написанных в 1950-е годы. Пика показатель достигает при выделении двухсот тем, при этом число итераций (20 или 25) на показатель не влияет. Поэтому для этих текстов мы выделяли 200 тем, итерируя при этом по подкорпусу 20 раз.

В результате проведения тематического моделирования модель выводит список, в котором содержится информация об одной теме: слова

этой темы и величина вклада (вес) каждого из слов в тему (примеры таких данных представлены ниже; при этом не все слова темы интуитивно связаны с остальными, но являются важной частью представления темы в тексте). Поскольку дальнейшая работа с топиками велась преимущественно вручную, потребовалось соотнести выделенные топики с дневниковыми записями. В результате были отобраны все записи, вес которых превышал 0,25.

Ограничения метода

Выбор тематического моделирования основывается на том, что с его помощью можно выделить кластеры текстов с похожим набором слов, которые с высокой вероятностью будут посвящены одной теме. На практике в случае с корпусом «Прожито» значительная часть топиков выделяется ошибочно, во многом за счет омонимии и полисемии, а также в связи с большим содержательным разнообразием записей. Например, алгоритм выделяет один топик на основании текстов, в первом из которых речь идет о встрече («Была на приеме у Дроздовой и Корсановой» — О. Н. Маковская, 13.02.1989[10]); во втором — о занятиях спортом («Сегодня я отжался 100 раз в один приём» — Р. Г. Сидоров, 02.10.1985); в третьем — о лечении («Стала принимать гомеопатию» — О. Н. Маковская, 25.02.1987). В рамках подкорпуса доля таких топиков может варьироваться от 10% до 25%.

Отдельную сложность представляет автоматическая обработка полученных данных. Исследователи не нашли хорошего решения этого вопроса, поэтому мы классифицировали топики вручную, составляя из них большие кластеры, соотносимые с одной тематикой. В процессе разметки название топика присваивалось на основании ключевых слов, его составляющих. Однако такой подход иногда приводил к ошибочной атрибуции: при последующем медленном чтении выяснялось, что тексты, объединенные моделью, на самом деле практически не связаны в смысловом отношении. Другой проблемой стало образование лакун — наборов слов, по которым невозможно определить тематическую принадлежность текстов.

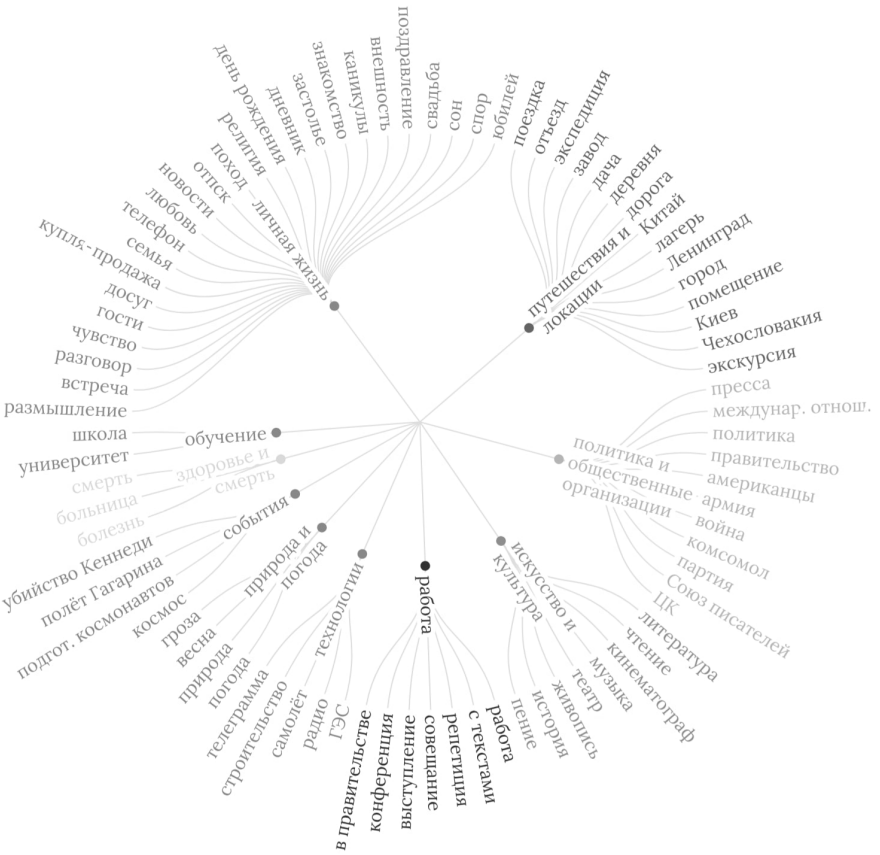
Таким образом, тематическое моделирование позволяет формировать выборку текстов для дальнейшего традиционного анализа, оценивать присутствие топика в этой выборке и вклад слова в тему. В дальнейшем изложении мы представим панораму выявленных тем — о чем писали авторы дневников «Прожито» в течение XX в., как содержание дневниковых записей менялось со временем и что оставалось в них постоянным.

[10] См. список авторов дневников в конце статьи. Орфография и пунктуация оригиналов сохранены.

Результаты тематического моделирования

Итоговый набор топиков составил от 200 до 450 для одного десятилетия в зависимости от размера подкорпуса[11]. Все эти топики в каждом из периодов объединены нами в крупные тематические кластеры (ил. 5):

- личная жизнь,
- здоровье и смерть,
- обучение и работа,
- искусство и культура,
- политика и общественные организации,
- природа и погода,
- путешествия и локации,
- общественно значимые события (осознаваемые как исторические и масштабные, но не связанные напрямую с политикой, например, полет в космос),
- технологии.

Ил. 5. *Радиальное дерево тематических кластеров в корпусе*

Fig. 5. *Radial tree of thematic clusters in the corpus*

[11] Результаты тематического моделирования: [Staroverova 2025].

Сквозные темы

1. Личная жизнь

В каждом из периодов выделяется больше всего топиков, связанных с личной жизнью человека и объединенных нами в тематический кластер с таким названием. В дневниках люди часто описывают быт и повседневную жизнь, но топик, который выделяется алгоритмом на основании этих записей, может состоять как из слов, не маркированных определенной средой или периодом, так и из слов, специфичных для некоторого времени. Например, топики, содержащие слова вроде *чай*, *пить*, *папа*, *обедать*, *проснуться*, *мама*, *поесть*, *почитать*, *купить* выделяются на протяжении всего XX в. При этом лексика, используемая при описании рутинных событий в 1920-е годы: *купить*, *р*[*убль*], *жалование*, *чехов*, *переписать*, *сажень*, *дежурство*, *морозный*, *перечитывать*, *керосин*, отличается от лексики в 1960-е: *ребенок*, *вторник*, *адрес*, *платить*, *зарплата*, *переехать*, *геометрия*, *поступить*; и в 1990-е: *дача*, *муж*, *картошка*, *огород*, *двое*, *семья*, *деньга* (эффект лемматизации, приведения к ед. ч. слова *деньги*), *дочь*, *овощ*, *жена*. Кроме того, на основании каждого из подкорпусов алгоритм выделил такие топики, которые можно соотнести с темами: семья, гости, встреча, разговор, звонок по телефону (начиная с 1960-х годов), размышления, чувства, описания внешности, так как большая часть дневниковых записей посвящена либо фиксированию повседневных событий, либо рефлексии над ними. Симптоматично, что семья постоянно находится в числе ключевых тем дневниковых записей даже в 1920-е годы, для которых был заявлен описанный культурологами курс на ее уничтожение: «Новая архитектура разрушительна по отношению к традиционной семье, и в этом она вполне созвучна устремлениям государственной власти, которые тоже направлены на редукцию семьи до уровня сожития» [Паперный 2016: 127].

2. Еда и голод

В число топиков, относящихся к частной жизни человека и представляющих, на наш взгляд, отдельный интерес, входят тема еды и голода и тема религии. Темой еды (табл. 1) мы объединяем такие топики, которые состоят преимущественно из названий продуктов, например: *хлеб*, *мясо*, *масло*, *корова*, *пуд*, *молоко*, *кг*, *фунт*, *картошка*. В 1910-е, 1920-е и 1930-е годы в соотносимых с едой топиках встречаются такие названия продуктов, как *хлеб*, *мука*, *сахар*, *мясо*, *молоко*, *масло*, и единицы веса — *фунт*, *пуд* и *килограмм*. В 1940-е состав продуктов остается примерно тем же, однако единственная мера веса в темах — это грамм, возникают слова *кусочек* и *карточка*[12]. На первую половину XX в. приходится и большая часть топиков, связанных с голодом. Слово *голод* в топиках соседствует со словами *холод*, *ужасный*, *страшный*. В 1930-е годы выделяется отдельный топик голода в деревне: *колхоз*, *деревня*, *голодный*, *мужик*, *хозяин*, *колхозник*, *собака*,

[12] Широкая представленность топиков, связанных с голодом, в текстах 1940-х годов объясняется количественным перевесом в корпусе блокадных дневников.

продавать, *цена*, *хозяйство*. В нескольких десятках крестьянских дневников, хранящихся в архиве «Прожито», эта тема представлена такими записями:

> Люди знай мрут из голоду. 12/V умерла Черная Параска активистка кандидат партии как людей продавали за невыполнение хлебо-заготовки так она вечером на радощах в школе танцовала а теперь издохла из голоду как собака (Н. Н. Белоус, 13.05.1933).

> Урожай был плохой. Колхозники, после сдачи зернопоставок государству, остаются без хлеба (не все), и идут из колхозов в отход, ходят каждый день везде и всюду, ищут работу. Говорят, что в колхозе делать нечего, хлеба нет... (К. Ф. Измайлов, 11.10.1935).

В 1990-е годы тема голода возникает вновь, на этот раз в соотносимых с ней топиках слово *голод* соседствует со словами *революция*, *рабочий*, *ветеран*, *тюрьма*, *разрушение*. Жительница Москвы, октябрь 1992 г.:

> Сегодня «День пожилых людей», некоторым людям что-то дарили, например, ‹...› — буханку черного, батон и пряник в коробке! Что ж, буханка черного сегодня уже 29 рублей! ‹...› Всё отвратительно, унизительно — бесплатные обеды старикам; безнадежно — если хлеб 18–28 рублей за килограмм, что будет с остальным? (Т. Ю. Коробьина, 1.10.1992).

Текст листовки «Бюллетень Спартаковцев»:

> Рабочие! Скоро будет поздно. Не ждите, пока ваши дети побледнеют от голода. Будущие хозяева отнимают у вас улицы Москвы (Г. З. Иоффе, 10.02.1992).

В этот период тема голода — это не столько реальность, сколько страх возможного голодного будущего, прежде всего для детей и стариков.

Во второй половине XX в. рядом с названиями продуктов в топиках появляются слова *магазин*, *очередь*. Люди в дневниках описывают «хозяйственные удачи»:

> Сегодня — небольшая хозяйственная удача. На Преображенской стал в очередь и достал три простыни! (В. А. Швец, 18.02.1982), —

и отмечают трудную продовольственную ситуацию:

> С перестройкой у нас в стране творится что-то неладное. Доперестраивались до того, что в магазинах исчез даже чай, не говоря уже о чем-то более значительном (мясо, колбаса, масло)... (М. А. Небогатов, 8.04.1989).

Таблица 1 / Table 1

Топики «еда» и «голод» в корпусе с 1901 по 2000 г.

В первое десятилетие века и в 1960-е не выделяются топики, соотносимые с идеей голода; для других десятилетий приведены топики, в которых эта идея проявляется.

Topics “food” and “hunger” in the corpus during 1910–2000

In the first decade of the century and in the 1960s, no topics are identified that are related to the idea of hunger; for other decades, topics are provided in which this idea is manifested.

1901–1910					
1911–1920	хлеб, белый, мука, сахар, черный, достать, есть, кусок, продукт	холод, голод, тиф, кончаться, измениться			
1921–1930	обед, хлеб, молоко, мясо, сахар, ужин, суп, горох, масло, итого	пуд, фунт, руб., мука, рожь, хлеб, посеять, цена, картофель, стоить	страшный, голод, ужас, нечего, голодный, тысяча, хлеб		
1931–1940	хлеб, мясо, масло, корова, пуд, молоко, кг, фунт, картошка	колхоз, деревня, голодный, колхозник, продавать, цена, хозяйство	голод, ужасный, малый, трагедия		
1941–1950	хлеб, грамм, кусочек, кусок, давать, хватать, голод, лепешка, достать, съесть	суп, каша, есть, съесть, хлеб, масло, щи, столовая, лапша, мясо	гр, карточка, масло, продукт, хлеб, мясо, сахар, крупа, получать, рабочий	голод, холодно, холод, ужасный, голодный, кость, замерзнуть	вера, надежда, бедный, мамочка, голодать, отдавать
1951–1960	перемена, довольный, вино, хлеб, продукт, мяло, масло, здорово	спасение, спасти, умирать, пища, голод			

Окончание таблицы

1961–1970		
1971–1980	хозяйство, сельский, молоко, продукт, яблоко, мясо, колхоз, склад, урожай	
1981–1990	купить, хлеб, яблоко, лук, продавец, грузин	магазин, очередь, продукт, мясо, купить, покупать, масло, молоко, литр
1991–2000	рубль, цена, кг, скот, мясо, руб., продукт, килограмм, хлеб, масло	рабочий, пенсионер, революция, десяток, партийный, тюрьма, голод, разрушить, разрешить

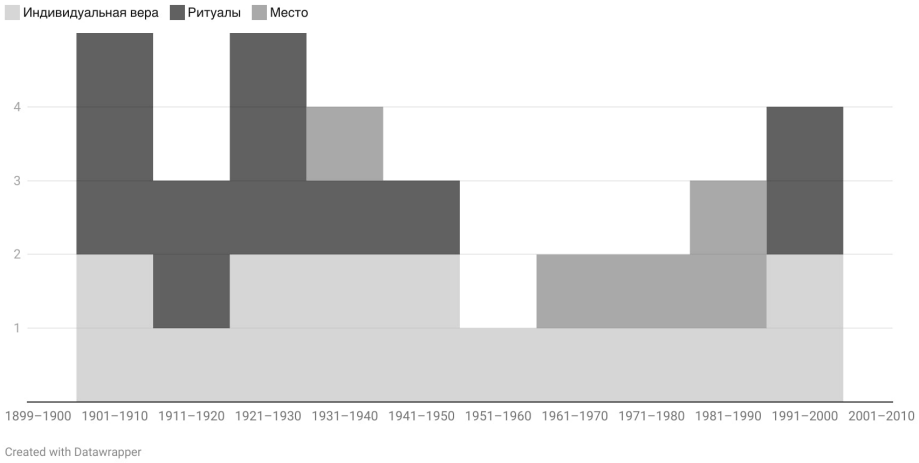
3. Религия

Топики, связанные с религией, как и топики еды, проходят через весь XX в. и представляют собой интуитивно единый текстовый массив. Мы условно разделили их на три категории: ритуалы (топики, отражающие церковные практики и праздники), личные религиозные убеждения и церковь как место (см. ил. 6, цветом закодированы категории). Динамика распределения этих топиков в XX в. довольно предсказуема. Топики, имеющие отношение к личной вере человека, содержат, например, слова *бог*, *слава*, *господь*, *святой*, *помочь*, *молиться*, *неужели*, *молитва*, *душа*, *вера*, *христос*, *бог*, *божий*, *светлый*, *чувство*, *глубина*, *радость*, *мир*, *свет*. С реализацией темы религии в дневниках тесно связана оценочная и эмоциональная лексика. При этом две другие категории тем трудно разделимы. До 1940-х годов включительно в подкорпусах выделяются топик церковной службы (*церковь*, *собор*, *молебен*, *служить*, *всенощный*, *преосвященный*, *ведринский*, *св*, *икона*, *суббота*); топики религиозных праздников: Пасхи (*вера*, *пасха*, *светлый*, *пасхальный*, *кататься*, *отправка*, *скамейка*, *заутреня*) и Рождества (*праздник*, *тихо*, *съезд*, *отложить*, *рождество*, *андреев*, *мед*, *ясно*, *христов*). Затем эти ритуальные топики пропадают и вновь появляются только в 1990-е: *святой*, *общество*, *духовный*, *религия*, *крест*, *религиозный*, *иоанн*, *пение*, *конгресс*, *церковь*, *служба*, *собор*, *православный*, *храм*, *священник*, *восстановить*, *петров*, *приход*, *служить*. При этом в период отсутствия текстов, описывающих религиозные ритуалы, появля-

ются топики, связанные с посещением храмов как памятников культуры: *церковь*, *экскурсия*, *стена*, *памятник*, *погулять*, *собор*, *печаль*, *городок*, *храм* (1960-е); *культура*, *памятник*, *храм*, *древний*, *построить*, *архитектура*, *век*, *башня* (1980-е). Отдельно отстоит от перечисленных выше категорий топик, описывающий разрушение церквей, он сформировался на основании записей 1930-х годов: *церковь*, *спасти*, *христианский*, *священник*, *православный*, *разрушение*, *ломать*, *разрушать*, *разрушить*. Распределение этих топиков по годам показывает, с одной стороны, что установление советской власти вытесняет религиозные практики из жизни населения, с другой — что это не происходит в одночасье:

> Сегодня Рождественский сочельник. Как ни задушен этот великий Праздник, как он ни превращен в «будни», равно как и Рождество Христово ‹...›, но народ празднует и на последние скудные свои гроши спешит на базар и в лавку купить что-либо к Празднику (Е. Н. Николаев, 6.01.1936).

> Страстная суббота. Очень много людей тянутся из церкви и в церковь с пасхами и куличами святить (С. С. Дмитриев, 8.04.1950).

Ил. 6. *Топики, связанные с религией, в корпусе с 1901 по 2000 г.*

Fig. 6. *Topics about religion in the corpus during 1901–2000*

4. Новости и общественно значимые события

В дневниковых записях часто присутствует рефлексия над содержанием материалов СМИ. Так, в первой половине века в дневниках обсуждают политические события, освещенные (или не освещенные) в газетах, например:

> Вышли почти все газеты; писать что-либо о беспорядках им запрещено, и «Новое время» прямо заявило, что кроме перепечат-

> ки из «Правительственного вестника» ничего сообщить не может... (С. Р. Минцлов, 28 / 15.01.1905).
>
> В отделе «хроника» газеты петитом печатают, что Троцкий за антисоветскую деятельность высылается за границу по постановлению ОГПУ (И. И. Шитц, 19.03.1929).

В 1940-е годы тема прессы в основном состоит из газетных статей об оставлении и освобождении городов, а также о награждениях. С началом оттепели и позже люди продолжают пересказывать сообщения прессы, но тут речь часто идет не напрямую о политических событиях, а о литературе, которую печатают в периодике:

> Вчера «Правда» начала печатать главы «Они сражались за родину» Шолохова... (А. К. Гладков, 13.03.1969).
>
> Добрел до меня «Новый журнал» и, бросив все дела, накинулся на чтение (Л. А. Левицкий, 3.06.1979).
>
> Дожили! Большая подборка стихов Набокова с предисловием Вознесенского — где бы вы думали? В журнале «Октябрь»... (Н. С. Работнов, 22.12.1986).

Топик, связанный с телевидением, начинает появляться только в 1980-е (*смотреть*, *телевизор*, *показывать*, *похороны*, *незнакомый*, *легенда*). В это время телевидение еще не концептуализируется как самостоятельное медиа и упоминается в топиках, соотносимых с более общей темой досуга, куда в числе прочего включены экскурсии или походы в кино, а записи с упоминанием телевизора в основном касаются просмотра фильмов, например «Джейн Эйр» или «Курьер», а не специально подготовленных для трансляции телепередач. В 1990-е слова таких топиков уже более отчетливо связаны с реалиями собственно телевидения (*программа*, *передача*, *республика*, *эфир*, *телевидение*, *лично*) и гораздо теснее соотносятся с политическими событиями, чем с выходом фильмов, не зря в один из очевидно политических топиков вплетаются слова, обозначающие и ТВ, и прессу: *ельцин*, *тв*, *гайдар*, *правительство*, *руцкой*, *новость*, *черномырдин*, *отставка*, *пресса*, *яковлев*.

Как было видно из приведенных выше примеров, в дневниковых записях часто описываются не только моменты личной жизни авторов, но и общественно значимые события. Некоторые из событий описывались в дневниках чаще других, поэтому в результате тематического моделирования они составили отдельные топики (см. табл. 2). Цветом выделены негативные события.

Таблица 2 / Table 2

Общественно значимые события с 1901 по 2000 г.
Special events mentioned in the corpus during 1901–2000

1901–1910	1911–1920	1921–1930	1931–1940	1941–1950	1951–1960	1961–1970	1971–1980	1981–1990	1991–2000
война с Японией	Первая мировая война	конфликт на Китайско-восточной железной дороге	война в Испании	Великая Отечественная война	победа во Второй мировой войне	полет Гагарина	война в Афганистане	война в Афганистане	война в Чечне
еврейский погром	конец Первой мировой войны	революция	Хасанские бои	блокада	ссылка	убийство Кеннели	запуск космического корабля	авария на Чернобыльской АЭС	выборы
забастовка	погром	съезд партии	арест					демонстрация	конец тысячелетия
революция	съезд партии		расстрел					землетрясение	перестройка
арест								Нобелевская премия	съезд депутатов
								перестройка	теракт
								смерть генсека	
								съезд партии	

5. Культура

Еще одним кластером топиков, который возникает в каждом из периодов, стала культура, включающая в себя такие темы, как живопись, театр, литература, балет, опера и другие (один из театральных топиков 1900-х реализуется в таком наборе слов: *голос*, *опера*, *недурной*, *оперный*, *фауст*, *звучать*, *итальянский*, *баритон*, *вызов*). Отчасти их появление связано с тем, что, работая с «Прожито», мы имеем дело со смещенной выборкой, как это обычно бывает в проектах гуманитарной направленности [Володин 2023]: многие авторы вошедших в базу дневников были деятелями культуры и искусства и естественным образом оставляли записи о своей работе, ср.:

> Целый день стучал поэму. Показывал Анне Кронидовне. Пошел в город. Вечером шли с Елиз<аветой>. И я ей показал поэму. Она просила прочесть (Б. Ю. Поплавский, 31.03.1921).

Однако к профессиональной деятельности авторов тема искусства в дневниках не сводится, во многом она отражает способы проведения досуга, бытовавшие в XX в.

Начало века (к кластеру топиков культуры относятся 31 из 200 топиков в 1900-е и шесть из 300 топиков в 1910-е). Так, в дневниках 1900-х упоминаются совместные походы в театры, на выставки, концерты и танцы, содержатся подробные программы академических театров. Многие записи не только фиксируют события культурной жизни, но также дают им критическую оценку, что делает их ценным источником для изучения рецепции:

> Большой театр. «Лакме». [Первоклассное исполнение главных ролей. Тенору Южину (греку по происхождению) не место на императорской сцене] (А. В. Живаго, 24.11.1903; квадратные скобки в документе).

Кроме того, авторы дневников начала века посещают литературные вечера и кружки, а также занимаются непрофессиональным сочинительством:

> Первая встреча с Верочкой заставила меня взяться за перо, описать прелести ея улыбки и этим расширяет литературную деятельность во мне (Ю. В. Чеменземинли, 9.08.1907).

Со временем одни виды искусства начинают уступать место другим: среди записей 1920-х впервые удается выделить топики, связанные с реалией синематографа (репрезентирована словами *смотреть*, *кино*, *фильм*, *картина*, *вещь*, *прекрасный*). Дневники фиксируют, как кино стремительно входит в повседневность, становясь неотъемлемой частью досуга и культурного опыта современников: «Вечером был с Колей в кино “Колосс”. Смотрели фильм “Женщина с миллиардами” 1 и 2 серии» (А. А. Яковлев, 9.02.1926). Кино воспринимается как принципиально новое зрелище: в отличие от театра,

связанного с классическим репертуаром и театральными условностями, кинематограф предлагает зрителю как документальную этнографию («Смотрел редкий фильм “Охота на горилл в Африке”» — В. Н. Ситников, 31.10.1929), так и игровые сюжеты, заимствованные из современной литературы. Кинопоказы дополняются другими формами развлечений, например выступлениями дрессировщиков («После кино-сеанса выступал Константан Руссель с дрессированными животными» — А. Ф. Стародубов, 28.08.1928), что выдает восприятие кино как синтетического искусства, ориентированного на развлечение массового зрителя. В дневниках авторы активно рефлексируют по поводу кинокартин, их записи наполнены не только восторгами, но и разочарованиями, что свидетельствует о формировании насмотренности и вкуса: «Смотрели дов[ольно] плохую вещь “Два претендента” с Мэри Пикфорд» (А. А. Яковлев, 23.11.1924). Можно отметить двойственную функцию нового искусства: с одной стороны, сугубо развлекательную, а с другой — идеологическую. Так, документальная лента «Падение династии Романовых» становится инструментом политического воспитания и предлагает аудитории переосмыслить недавнее прошлое:

> Этот фильм талантливо склеен из кусков старых хроник 1910–1917 года. Каким далеким средневековьем кажется дореволюционное прошлое. Как все переменилось... Могучая агитация за нее... (А. А. Яковлев, 19.03.1927).

Параллельно с этим развивается международный культурный обмен: советский зритель 1920-х годов активно знакомится с продукцией Голливуда, однако именно отечественные агитационные ленты вызывают наиболее сильный эмоциональный и эстетический отклик: «Смотрел прекрасную русскую картину “Броненосец Потемкин”» (А. А. Яковлев, 29.01.1926).

Вместе с тем интерес к театральному искусству не угасает (театральная тема проявляет себя в 130 записях из 36 079), но дневники 1930-х регистрируют нарастающий кризис в этой сфере, и из пространства свободного творчества театр превращается в поле идеологического противостояния:

> В «Правде» статья Керженцева «Чужой театр» о Мейерхольде. Резкая критика всего театрального пути Мейерхольда. Театр несомненно закроют (Е. С. Булгакова, 17.12.1937).

Институт театра в восприятии авторов дневников все больше уподобляется государственному ведомству. К такому представлению пишущих подталкивают тотальный контроль над репертуаром («М. А.[13] давал свои заключения о либретто» — Е. С. Булгакова, 16.10.1937), кадровая политика: «Если не ошибаюсь, Гейтц, до директорства в МХАТе, был директором

[13] Имеется в виду М. А. Булгаков.

Торгсина» (Е. С. Булгакова, 25.05.1937) и распределение ресурсов, доходящее до принудительного перемещения целых коллективов в рамках кампании по «усилению периферии»:

> Театральная Москва в смятении. Студии Завадского предложено поехать в Ростов, где выстроено новое гигантское здание драматического театра, а МХТ 2-му в Киев, на постоянную работу. ‹...› Само помещение в Ростове ‹...› является типичным произведением гигантомании... (А. К. Гладков, 17.02.1936).

Творческий процесс оказывается подчинен административной логике, теперь его ритм определяют согласования, договоры и совещания: «Либретто делает Городецкий Сергей, а М. А. привлекли к консультированию» (Е. С. Булгакова, 17.11.1937). Символической кульминацией этого процесса становится смерть К. С. Станиславского в 1938 г.; записи современников пропитаны не только скорбью из-за ухода великого режиссера, но и тревожным ощущением конца театра как лаборатории. Горькое замечание в одном из дневников — «Если Станиславский был и Моцарт и Сальери, то Немирович ни тот и ни другой и не будет ими» (К. Н. Головко, 16.08.1938) — звучит как точное определение наблюдаемого поворота в жизни театра: на смену художнику-творцу приходит администратор-управленец, а на смену эпохе экспериментов — время системного, идеологически выверенного и централизованно управляемого искусства. Один из «театральных» топиков 1930-х содержит следующие слова: *театр*, *большой*, *жандарм*, *опера*, *актер*, *сплетня*, *мрачный*, *театральный*, *затронуть*.

Начало Великой Отечественной войны, отмеченное в одном из дневников лаконичной записью «Война! И второй спектакль...» (Б. В. Зон, 22.06.1941), побуждает авторов к глубокой рефлексии роли культуры: «Искусство создано, чтобы заполнить пустоту между жизнью и смертью...» (М. М. Пришвин, 5.01.1941). В дискурсе 1940-х годов вырисовывается фундаментальное диалектическое противоречие между двумя подходами к пониманию искусства. С одной стороны, наблюдается усиление инструментализации культуры, ее подчинение задачам идеологической борьбы. Этот процесс находит отражение в практиках агитационно-пропагандисткой работы:

> Сегодня прочитал статью в фашистской газетенке «Мозырские Известия»... Мы выпустили по этому поводу листовку. Да вряд ли теперь и надо доказывать что-либо населению. И так все понятно (Е. И. Барыкин, 20.04.1943).

Его же иллюстрируют свидетельства о подготовке новых литературных кадров из армейской среды, рассматриваемых в качестве носителей «большого запаса впечатлений, опыта, знаний» (В. В. Вишневский, 5.03.1943). С другой стороны, в дискурсе других авторов дневников вызревает фило-

софская апология автономии творчества. Яркой иллюстрацией этой позиции служит следующая метафора:

> У якута есть самодельная трубка. Чубук вырезан в виде грубой физиономии, плоской и желтой, как сам якут. «Дай мне трубку», — прошу я. «Нет, — отвечает якут. — Это Ефим» — указывает он на чубук. ‹...› Творчество есть форма проявления свободного человека. ‹...› Бетховен находит удовлетворение в самом творчестве, а не в гонорарах, которые оно может дать (Д. С. Самойлов (Кауфман), 28.09.1943).

В этом отрывке творческий акт осмысляется как форма свободы, не редуцируемой до утилитарной функции.

Этот мировоззренческий конфликт — между пониманием культуры как инструмента и как самоцели — проявлялся и на уровне осмысления ее исторической судьбы:

> Ценности затормозившей сейчас в своем развитии культуры так велики, что надо прилагать все усилия к сохранению ее прошлого и развитию без искажения ее характера, без насильственного привлечения чуждых черт (М. А. Бихтер, 22.02.1942).

Кристаллизуется новое понимание патриотизма, отличное от довоенного:

> Только сейчас, в дни войны и тягчайших исторических испытаний, начинаешь понимать и чувствовать все значение этого слова — «Родина». Мне противен эстетизированный мир «чистого искусства», ибо нет подлинного искусства без любви к Родине (Г. Е. Лебедев, 1.03.1943).

Возникает острый контраст между лакированным образом культуры и военной реальностью, обнажающей чудовищные сюжеты: «Вчера умер от голода артист эстрады К., у него нашли много продуктов» (А. В. Корольквич, январь 1942 г.). На наш взгляд, эта лаконичная запись — симптом социальной патологии, порожденной тотальным дефицитом. Границы нормальности стираются, и в записи об обычных светских развлечениях попадают страшные военные реалии:

> ...ну думаем «Кончится кино — быстрей домой», но кино не кончилось, оно бы кончилось, если бы не тревога. Вечером еще били тревоги через каждые 15–20 минут (С. С. Орлов, 30.11.1941).

В этих условиях частный дневник становится последним прибежищем для истинных переживаний:

> Большая ноющая боль. Желание как можно глубнее уйти в себя, изолироваться от чертовски надоевшего. Огромное стремление к большой, целеустремленной, умной жизни, всепоглощающей деятельности (Н. Н. Иноземцев, 18.11.1943).

Что характерно, в корпусе текстов этого десятилетия только 11 из 450 топиков посвящены культуре, тогда как преобладает военная тематика, а вместе с ней сюжеты о дороге и упоминания населенных пунктов.

Начиная с середины 1950-х годов записи регистрируют интерес к идеологическому наполнению культурных практик, который приходит на смену экзистенциальным вопросам военного времени (29 топиков из 200 относятся к рассматриваемому кластеру). Дневники обнажают разлом между громкими государственными достижениями и реальным положением дел, который авторы напрямую связывают с наследием «сталинской централизации в сфере культуры» (С. С. Дмитриев, 5.06.1956). В ответ на нее рождается ясный запрос на свободу творчества:

> Давно пора отказаться от единого Союза советских писателей, Союза советских художников, Союза советских архитекторов как организаций централизаторских, бюрократически-уравнительных, не творческих, а «корректирующих» творчество с позиций догм «социалистического реализма», никому толком неизвестного (Там же).

Первые признаки оттепели проявляются в осторожном открытии железного занавеса. Посещение выставок зарубежных художников становится настоящим откровением для советского зрителя, «приученного к удручающей одинаковости живописи» (С. С. Дмитриев, 5.06.1956). Авторы убеждаются, что «разговоры о вырождении, распаде, тупике, загнивании буржуазного искусства наших дней ‹...› — чепуха, высосанная из пальца» (С. С. Дмитриев, 31.10.1956). Однако рецепция этого нового искусства неоднородна: «Некоторые из посетителей считают долгом заявлять во всеуслышание о своем непонимании» (С. С. Дмитриев, 5.06.1956); другие видят в нем освобождение от старой музейной политики, последствия которой описывают так:

> Из стран народной демократии мы привозим только то, что нам нравится: в их искусстве мы признаем только подражательство нам же. Естественно, что при отсутствии знания нам трудно судить — нет возможности сопоставлять, сравнивать (Там же).

Дневники регистрируют системную критику культурной политики и главной художественной доктрины:

> Если откинуть злопыхательство, то в отзывах о советской литературе западноевропейских критиков ‹...› есть большая правда. ‹...› Формула о «социалистическом реализме» есть абракадабра. ‹...› Ибо формула эта — не что иное, как перефразированная мудрость будочника Мымрецова — «тащи и не пущай» (С. С. Дмитриев, 2.11.1954).

Этот кризис художественного канона отражается и в официальных изданиях, вызывая печальную иронию:

> Какую дрянь настряпали составители 10-го тома «Истории русской литературы»! И это Академия наук! Хороший писатель Горький, но нельзя им заменить и загородить всю русскую литературу. Да и он сам теряет всякий смысл без русской литературы. Это огорчение (оГорьчение!) какое-то, а не история русской литературы (С. С. Дмитриев, 28.02.1955).

К концу 1960-х годов (среди записей этого десятилетия в «культурный» кластер попадают рекордные 45 топиков из 280) на смену осторожным надеждам оттепели приходит предчувствие политического реванша: «...отныне мы будем снимать шапки, проходя мимо Лобного места на Красной площади» (Е. А. Гнедин (Гельфанд), 28.08.1968).

Культурная и интеллектуальная жизнь эпохи застоя осмысляется авторами через призму конфликта между тоталитарной системой и свободной личностью.

С одной стороны, дневники 1970-х годов (12 топиков, относящихся к кластеру искусства и культуры, из 260) фиксируют системное ужесточение государственной культурной политики. Примером этого процесса становится снятие «народного» писателя Александра Твардовского с должности редактора «Нового мира» в 1970 г., воспринятое современниками как акт политической расправы и конец веры в возможность диалога с властью: «Да неужто посмеют?!... ‹...› и вот — финита ля комедия» (В. С. Золотухин, 1.07.1969). Автор дневника осознает и личные последствия этого события:

> А у меня «Дребезги» лежат в «Новом мире». И там про «усатого» борзо написано. Отыщут рукопись и заявятся с обыском. Проверить архив мой и образ мыслей из него составить (Там же).

В записях всплывают эпизоды других репрессивных мер — от цензуры и шпионажа («Когда М. Ростропович возвращался из Вены, его на границе раздели до белья, ища писем Солженицыну» — А. К. Гладков, 21.10.1971) до прямых гонений и вынужденной эмиграции (упоминаются отъезды Иосифа Бродского, Виктора Некрасова и др.). Культурная политика все чаще оценивается как «простая политическая лояльность и продажность», а соцреализм окончательно лишается каких-либо творческих амбиций:

> ...при Сталине пытались утверждать, что соцреализм это новый взгляд на мир ‹...› Теперь всем стало ясно, что никакого феномена в этом нет... (В. И. Павлов, 9.09.1977).

На примере кампании против А. И. Солженицына, сказавшего «правду о злодеяниях прошлого», осмысляется бескомпромиссный конфликт между властью и свободным художником:

> ...должен ли социализм иметь человеческое лицо? В 1968 году на этот вопрос был дан ясный ответ: «нет». Смысл кампании против

> Солженицына может быть резюмирован этим же междометием: «нет, нет, нет!» (В. А. Рубин, 23.01.1974).

В ответ на давление формируются новые практики творческого и личного выживания. Для некоторых представителей интеллигенции выходом становится «внутренняя эмиграция»: «Когда писателя не печатают — можно работать “в стол”» (Г. А. Елин, 29.03.1971). Для других — открытое противостояние, центральными фигурами которого становятся Александр Солженицын и Андрей Сахаров, чьи имена и судьбы превращаются в предмет всеобщего обсуждения: «В Москве. Разговоры все о Солженицыне. О письме Евтушенко и пр.» (Д. С. Самойлов (Кауфман), 18.02.1974). Моделирование дневников этого периода выявляет топики, связанные с такими фигурами, например: *солженицын*, *известный*, *газета*, *западный*, *франция*, *запад*, *считать*, *речь*, *правда*; *кгб*, *пускать*, *иосиф*, *подлец*, *решать*. В этих условиях рождается новый тип идентичности — человек, который, по мнению Иосифа Бродского, процитированному в одном из дневников, «не входит ни в одну из двух рубрик [рабы и враги]» (М. А. Поповский, 16.03.1973) и потому подлежит изгнанию. Автор, который, несмотря на риск «отлучения от хлеба», обысков и эмиграции, отказывается от «покаяния», сталкивается с ультиматумом: «пожалуйте либо на Восток, либо на Запад» (М. А. Поповский, 23.02.1976), и эта дилемма «Восток — Запад» осмысляется им как «вечное занятие для русской интеллигенции» (М. А. Поповский, 16.03.1973).

Важнейшими приметами эпохи становятся ирония и эзопов язык. Авторы дневников восхищаются, как деятели искусств находят гениальные пути обхода цензуры:

> Элему Климову после «Добро пожаловать!..» перекрыли кислород, так он за копейки сделал документальный ‹...› фильм «Спорт, спорт, спорт!» (Г. А. Елин, 29.03.1971).

В дневниках фиксируются политические анекдоты, например:

> Что такое Малый Театр? — Это Большой Театр, вернувшийся в Москву после гастролей в США (Л. К. Чуковская, 6.10.1979).

Интеллектуальный голод удовлетворяется за счет чтения авторов, чье признание на Западе опережало советские публикации; запись о чтении Альбера Камю содержит печальный парадокс:

> Благословенная автомобильная катастрофа![14] Не будь ее, мы еще неизвестно сколько времени не прочитали бы «Чуму» и «Постороннего»... (М. А. Поповский, 9.03.1971).

Парадоксальным же образом в ответ на идеологический прессинг в интеллектуальной среде формируется новая этическая иерархия: подлин-

[14] Имеется в виду, что гибель Альбера Камю открыла его текстам путь к публикации в СССР.

ный авторитет теперь принадлежит не официально признанным литераторам, чья лояльность власти очевидна современникам, а притесняемым писателям, сохранившим творческую независимость. Так, яркими антиподами по отношению друг к другу выступают фигуры, с одной стороны, Евтушенко, который, по язвительному замечанию мемуариста, «отмолил свой грешок перед властями: сегодня в “Литгазете” — его огромная поэма о рабочих КАМАЗа» (М. А. Поповский, 22.03.1974), а с другой — Валентина Распутина, который «одним своим творчеством переехал всем дорогу» (В. Н. Крупин, 24.10.1977) и которому «не посмели» не дать премию, «раз уж прокараулили» (В. Н. Крупин, 7.10.1977).

В дневниках деятелей искусства 1980-х годов сквозь привычные обсуждения музыки, литературы и кино (27 тем из 260) все явственнее проступают мотивы творческого удушья («Студия снова выживает детское кино (создает такие условия, чтобы сами ушли)» и тотального застоя («Движение студии стоит на месте. Причем не на очень хорошем») (Р. А. Быков, 15.09.1987). Аналогичную усталость выражают и те, кто вынужден освещать культурную жизнь эпохи: «Работать на “Кинопанораме” стало не интересно» (Э. А. Рязанов, июль 1985 г.).

Это чувство исчерпанности напрямую связывается с ощущением смены культурных эпох, «промежутка между завершившейся культурой и назревающей»:

> ...в 1965 году умерла Ахматова — последний русский поэт; остались поэты советские (М. С. Харитонов, 19.03.1983).
>
> Говорили о московских макабрах и конце эпохи (Д. С. Самойлов (Кауфман), 28.03.1982).

Авторы остро переживают уход поколения мэтров (например, Юрия Трифонова), усугубляющийся отсутствием новой смены («...20–30-летних нету, все дети 20-го съезда...» (Н. Я. Эйдельман, 1.04.1981): «Беда нашей литературы — её старение» (Г. А. Елин, 22.07.1986). В записях встречаются названия двух фильмов — «Осеннего марафона» (10 упоминаний в 27 топиках, связанных с культурой) и «Послесловия» — ставших своеобразными художественными манифестами эпохи[15], в которых творческая интеллигенция выносит сама себе суровый приговор. О том, что герой опознавался современниками как точный социально-психологический портрет позднесоветского интеллигента, свидетельствует реакция одного из зрителей, отождествившего автора с его творением: «...неужели ты сам не понимаешь, что всё это Володин написал про себя?» (Г. А. Елин, 9.04.1982).

В 1990-е годы на первый план выходит необходимость адаптации к принципиально новой реальности — рыночной, технологической и идео-

[15] В эту плеяду также входят «Отпуск в сентябре» (1979), «Фантазии Фарятьева» (1982), «Полеты во сне и наяву» (1983), «Храни меня, мой талисман» (1986) и др. Об образе позднесоветского интеллигента в кино см.: [Михайлин 2014].

логически плюралистичной. В профессиональной сфере это выражается в необходимости осваивать новые навыки: «С экономикой [в] таком виде я столкнулся впервые. ‹...› Теперь нужно врастать в новую науку» (В. И. Максимов, 11.08.1997). Топик, включающий слова *материал*, *технический*, *курс*, *необходимо*, *план*, *диссертация*, *сведение*, *информация*, *разработка*, *начать,* иллюстрирует этот сдвиг в сторону технократического языка, непрерывного обучения и прагматической организации труда:

> Мне начальник ‹...› поручил заниматься интерфейсами, устройствами, включаемыми между отдельными блоками и узлами системы. Я начал их изучать, собирать сведения о готовых образцах, выпускаемых промышленностью (Там же).

Параллельно страна входит в глобальную цифровую революцию: один из авторов дневников пишет, что его отделу поручено «разрабатывать структурную и функциональную схемы “Единой системы передачи информации”» (Там же). Появление персональных компьютеров порождает новые формы досуга и профессиональных интересов: «Я приобрел новый стиль компьютера — игра Goom note» (И. А. Маковский, 14.02.1993); «Играю, делал уровень. Слушаю радио и играю в Doom II» (И. А. Маковский, 8.02.2000); «изучал “Си”» (А. И., 25.08.1996); «Узнал что можно стартовать бейсик» (В. И. Максимов, 7.01.1997). Эти записи с их специфическим языком маркируют рождение новой цифровой субкультуры.

Одновременно с этим записи регистрируют тенденцию к коммодификации знания и кризис научного этоса:

> Сегодня мы ‹...› пришли к выводу, что мы занимаемся теневой наукой, т. е. переписываем то, что сделали другие (чаще всего за рубежом), а наше руководство продает эти результаты заказчикам (министерствам, комитетам и ведомствам) (В. И. Максимов, 28.09.2000).

Этот процесс сопровождается реструктуризацией всех академических институций, необходимость которой становится очевидной со сменой политического уклада страны: «Приказ по институту по совершенствованию структуры института» (Г. З. Иоффе, 16.04.1992); «Представлен также Устав института» (С. Н. Есин, 25.03.1993).

Рыночные отношения радикально меняют статус искусства и литературы. Механизмы капитализации символического точно отражены в следующей записи:

> Слова Швиттерса о том, что даже плевок художника становится произведением искусства, оказались переосмыслены рынком. Сначала создается имя, потом этим именем можно подписать хоть плевок ‹...› — толкователи снабдят это смыслом (М. С. Харитонов, 25.01.1992).

Интеллигенция переживает болезненное, но освобождающее расставание со своей мессианской ролью и отказ от претензий на духовное лидерство:

> Легко и отрадно, что не нужно искать и демонстрировать какие-то неслыханные добродетели, жить напоказ, а можно полностью заняться собой и своими делами (И. А. Карпусь, 2.03.1994).

Публичная культурная жизнь, ранее скрепленная общими идеологическими ритуалами, стремительно фрагментируется и сжимается до камерных форматов встреч «для своих», таких как юбилей Юлия Кима в Театре эстрады, где собралось «полтораста человек, из них половина близких друзей и знакомых» (М. С. Харитонов, 23.12.1996). Одновременно фиксируется кризис традиционных институций, например, музей Маяковского «сильно обветшал» и заполнен «мебельной рухлядью» (Т. Юрьева, 26.06.1993). Даже театр, традиционный оплот интеллигенции, по словам одного из его сотрудников, переживает кризис:

> Безумие вокруг театра давно кончилось... Фирма лопнула. Все наши легендарные спектакли — история, и не более того (В. С. Золотухин, 8.12.1995).

Вакуум в публичном пространстве заполняет культура знаменитостей (celebrity culture). В фокус внимания широкой публики попадали звезды эстрады, чья личная жизнь (например, свадьба «преобразившейся» Пугачевой и Киркорова — Т. Юрьева, 18.07.1994) становится предметом массового обсуждения. Но интерес к фигурам прошлого также не угасает: так, в результате моделирования текстов 1990-х выделяется топик, посвященный Бродскому: *измениться*, *обсуждать*, *широкий*, *иосиф*, *резко*, *всемирный*, *позволять*, *киев*. Другой топик регистрирует (очевидно, зародившийся ранее) культ Владимира Высоцкого: *стих*, *поэт*, *песня*, *петь*, *гениальный*, *гений*, *вечер*, *написать*, *проза*, *спеть*; в относящихся к нему текстах неоднократно превозносится талант поэта и даже упоминается телепередача об экстрасенсах, в которой «пожилая женщина ‹...› записывает стихи, которые ей диктует Высоцкий» (Т. Юрьева, 8.07.1992).

Отдельной темой интенсивной рефлексии в дневниках становится русский язык, что отражено в топике, состоящем из слов *русский*, *язык*, *идея*, *знание*, *форма*, *история*, *раздел*, *вступать*, *гоголь*, *ген*. Авторы с тревогой наблюдают за его стихийной трансформацией под влиянием новых медиа, иронично отмечая «обогащение» языка такими неологизмами, как «девочковая форма» и «туфли оказались распаренными» (Л. Н. Большаков (Грейсерман), 22.08.1992).

В табл. 3 цветом закодирована доля соответствующего топикального множества (чем темнее, тем выше доля топиков), а числом — абсолютное количество топиков по десятилетиям. Появление нескольких топиков, которые мы объединяем в один кластер, свидетельствует о том, что в этот период авторы дневников пишут об этой теме разнообразно; это позволяет алгоритму отнести тексты с внешне схожей тематикой в разные группы.

Таблица 3 / Table 3

Распределение топиков, связанных с культурой, по десятилетиям

Distribution of topics connected with culture by decades

	1900-е	1910-е	1920-е	1930-е	1940-е	1950-е	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е
искусство	1		2		1			1	3	
живопись	2	1	1	3		1	1	1	2	1
театр	8	1	3	2	2	1	2	1	2	1
музыка	4		2			4	3	2	4	2
концерт			1	1	1	1	3		1	1
литература и чтение	8	1	5	3	3	9	9	2	4	7
работа с текстами	1		1			4	4			1
кино			1	2			2	1	2	1
наука			1		1	3	5	2	1	
радио							1			
ТВ									2	1
экскурсия			1					1		
досуг	2		1	1	1	3	5	2		4
учеба	5	5	8	1	2	9		1	5	8

Как можно наблюдать в таблице, на протяжении всего XX в. авторы дневников пишут о театре значительно меньше, чем в 1900-е годы. При этом в 1940-е и 1950-е годы не выделяется ни одного топика, связанного с кино, что совпадает с периодом в истории кинематографа, известном как «малокартинье». С середины века и до конца 1960-х наблюдается повышенный интерес к работе с текстами и к науке, последнее во многом связано с успехами СССР в освоении космоса. Топик, который можно обозначить как «просмотр телевизора», возникает только в 1980-е и выделяется также в следующем десятилетии — хотя телевизоры были изобретены значительно раньше, именно в этот период они перестают быть предметом роскоши. Однако не все тренды, которые можно отследить в таблице, соотносятся с известными нам социокультурными изменениями в советском обществе. Так, трудно объяснить, почему топик, связанный с радио, возникает однократно только в 1960-е, а о музыке не пишут в 1930-е и 1940-е.

6. Прочие темы

Помимо описанных выше сквозных тем практически во всех десятилетиях присутствуют кластеры топиков, описывающих быт и разговоры, встречи, новости и внешность людей, которые также требуют отдельного рассмотрения. Кроме того, большую часть корпуса занимают тексты, связанные с дорогой: авторы пишут о рутине поездок и путешествий в другие города с различными целями — как деловыми, так и личными, о перемещениях подразделений в военное время, о походах и экспедициях, о приездах и отъездах гостей, о внутренней и внешней миграции. В текстах, объединенных темой перемещений между населенными пунктами, авторы часто уделяют внимание местам, которые посещают; так, в отдельные топики выделяются слова, служащие для описания помещений и городов (опускаем примеры из-за недостатка места).

Специфические темы отдельных десятилетий

Тематическое моделирование позволяет не только выявить устойчивые смысловые ядра, но и зафиксировать тематические всплески, приуроченные к конкретным временным промежуткам.

В темах 1900-х выделяется крупный кластер топиков, связанных с военно-политическими событиями десятилетия: арест (1)[16], армия (4), болезнь (5), великие князья (1), забастовка (2), императорская семья (1), кадетский корпус (2), Красный крест (1), революция (1), смерть (2), русско-японская война (5). В следующем десятилетии можно отследить аналогичный блок тем: война (1), Гражданская война (2), военные преступления (1), голод (1), конец войны (1), революция (2), Первая мировая война (1), обыск (1), забастовка (1), погром (1), армия (1), болезнь (1). Также в 1910-е формируется топик, связанный со смертью Григория Распутина: *распутин*, *убить*, *рассказывать*, *вынудить*, *монарх*.

В текстах 1920-х годов тематическое моделирование фиксирует сразу шесть топиков, связанных с деревней, один — с колхозом. Часть этого кластера составляют записи крестьян, которые описывают хозяйственные успехи («Началы сиять, всходы хороши, тилько пизни, ну а ничого, може буде и хороше» — И. И. Ярошенко, 18/5.10.1928), упоминают религиозные праздники и пишут о погоде («Праздник Здвижение ишел дождь маленький но сеять по пахоти нельзя» — Н. Н. Белоус, 27.09.1929). Внимание к капризам природы в это время особенно хорошо объяснимо, поскольку эта сила снова, как и в доисторические времена, становится залогом выживания людей, занятых в аграрной деятельности: «Главной проблемой деревни начала 1920-х гг. было возрождение крестьянского хозяйства, которое проходило крайне медленно. Социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни. Большой процент хозяйств вообще не

[16] В скобках указывается количество соответствующих топиков.

имел пахотных орудий, борон и других средств производства» [Лебедева 2009: 224]

Интересной приметой 1950-х становится частое упоминание фотографий: «Дала Рождественскому фотокопии партитуры...» (М. А. Мендельсон-Прокофьева, 22.09.1954); «...вышлю тебе кучу всяких фотографий» (А. Т. Твардовский, 17.07.1959). Мы связываем это с масштабным появлением в стране фотоателье и введением обязательного фотографирования на документы. Google Ngram Viewer также фиксирует резкий взлет частотности слова *фото* в 1950-е годы[17]. Примечательно, что и героиня книги о советской повседневности Полина Знамёнкина фотографируется в начале 1950-х годов: «В коробке с фотографиями у Полины хранится серия портретов, которые сейчас назвали бы фотосессией, сделанных в апреле 1952 года» [Глущенко 2026: 18].

В 1960-е годы удается выделить кластер из нескольких топиков, связанных с космосом; топики представлены следующими лексическими единицами: *корабль*, *программа*, *ракета*, *борт*, *выполнить*, *испытание*, *полигон*, *луна*, *восход*, *орбита*. Дважды за столетие — в 1960-е и в 1990-е — возникает топик, связанный с Америкой (*луна*, *американский*, *мечта*, *техника*, *американец*, *спутник*; *свобода*, *америка*, *американский*, *американец*, *чужой*, *еда*, *страна*).

В 1980-е впервые возникают сразу два топика, объединяющие тексты, в которых идет речь о деньгах или расчетах: *план*, *млн*, *целое*, *темп*, *электроэнергия*, *валюта*, *нефть*, *индия*, *красноярск*; *счет*, *количество*, *средство*, *деятельность*, *вырасти*, *установить*, *число*, *сумма*. При этом топики из кластера купли-продажи, напротив, выделяются практически в каждом десятилетии века. В 1990-е наряду с темой денег также впервые выделяются топики ведения бизнеса (репрезентирующие эту сферу деятельности слова — *заниматься*, *бизнес*, *обойтись*, *продать*, *доставить*, *разборка*, *выпускать*, *выход*ной, *бизнесмен*, *киоск*): «Аширбай агитирует за гербалайф. Не хочу заниматься этим» (Э. А. Жолдасов, 14.08.1996).

Тексты 1980-х также регистрируют ритуальность награждений (*красный*, *орден*, *ящик*, *поздравить*, *торжественный*, *праздник*, *наградить*, *звезда*, *посвятить*, *поздравлять*; *награда*, *часы*, *медаль*, *представить*, *заслуга*, *спортивный*, *оценить*): «Идиотия продолжается! — Кучеру[18] повесили ТРЕТЬЮ Звезду Героя Соц. труда!» (Г. А. Елин, 25.09.1984); о попытках нормализации наградного конвейера в позднесоветскую эпоху см.: [Юрчак 2014: 129].

Отдельным значимым моментом в жизни людей становится конец 1999 г. Начало нового тысячелетия было важным событием само по себе: одни ждали конца света, другие — начала новой жизни:

[17] URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE&year_start=1800&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=3.

[18] Прозвище К. У. Черненко.

> ...Делаю последнюю запись в этой тетради — последнюю в этом году, в этом веке, в этом тысячелетии. ‹...› Ужасные известия об урагане в Европе... Подтверждение для тех, кто ожидает через несколько дней конца света (М. С. Харитонов, 29.12.1999).

Ожидание новой жизни называется милленаризмом, а ожидание конца света философ Ф. Джеймисон характеризует как перевернутый милленаризм, когда ожидание нового осложнено предчувствием катастрофы: «Последние несколько лет были отмечены своего рода перевернутым милленаризмом, в котором предвестия будущего, катастрофического или искупительного, сменились ощущением конца» [Джеймисон 2019: 83]. В дневниках 1990-х годов мы видим оба эти явления в сплавленном виде. Кроме того, 31 декабря 1999 г. объявил о своей отставке Ельцин, что тоже отразилось во многих записях:

> В ночь на Новый год Борис Ельцин объявил о своей отставке. ‹...› Все сходят с ума по поводу «нового» тысячелетия. Всюду только и слышно «Милениум! Милениум!» А по мне, это обыкновенный Новый год (А. Ю. Нефедов, январь 2000 г.).

Заключение

Исследование с использованием цифрового подхода позволило обозреть не поддающийся детальному анализу при другом методическом инструментарии обширнейший материал — тематику дневниковых записей, сделанных на русском языке в течение XX в. Учитывая особенности формирования корпуса «Прожито», авторами которого выступают во многом деятели культуры, большинство выявленных тем составили связанные с литературой, искусством, творчеством и т. п. С помощью тематического моделирования можно обнаружить сквозные темы, которые так или иначе присутствуют в дневниках на протяжении всего столетия, и такие, которые привлекают внимание авторов дневников в отдельные десятилетия. К первым можно отнести личную жизнь, питание, религию, новостные поводы и события в сфере культуры. Ко вторым — фотографию в 1950-е, космос в 1960-е, экономическую деятельность в 1980-е, ожидание милениума в 1990-е. При этом многоаспектная тема культуры переживает в течение века заметную трансформацию — от безусловного доминирования театра через распространение кинематографа к ключевому положению телевидения; от откликов на постановки через проживание общественно-политических, идеологических, бытовых кризисов к адаптации к новой рыночной реальности.

Дневниковые тексты демонстрируют своеобразный способ отражения общественных настроений, пропущенных через фильтры личных и профессиональных ориентаций автора. Так, работая с этим типом источника и используя цифровые методы, мы можем наблюдать, как «большая» история взаимодействует с историей повседневности и микроисторией, образуя концептуальное и информационное единство.

Авторы дневников

А. И. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1028.

Барыкин Емельян Игнатьевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3040.

Белоус Нестор Никитович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/87.

Бихтер Михаил Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2551.

Большаков Леонид Наумович (Грейсерман Леонид Неяхович). URL: https://corpus.prozhito.org/person/2601.

Булгакова Елена Сергеевна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/21.

Быков Ролан Антонович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/249.

Вишневский Всеволод Витальевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/25.

Гладков Александр Константинович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/229.

Гнедин (Гельфанд) Евгений Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/124.

Головко Кира Николаевна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/864.

Дмитриев Сергей Сергеевич URL: https://corpus.prozhito.org/person/225.

Елин Георгий Анатольевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/323.

Есин Сергей Николаевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/878.

Живаго Александр Васильевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1837.

Жолдасов Эркин Алимджанович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1913.

Золотухин Валерий Сергеевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/102.

Зон Борис Вульфович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/641.

Измайлов Константин Федорович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1629.

Иноземцев Николай Николаевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/920.

Иоффе Генрих Зиновьевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/557.

Карпусь Игорь Анатольевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/885.

Коробьина Татьяна Юрьевна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1429.

Королькевич Анатолий Викентьевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2422.

Крупин Владимир Николаевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3722.

Лебедев Георгий Ефимович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2388.

Левицкий Лев Абелевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/325.

Маковская Ольга Николаевна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3572.

Маковский Игорь Андреевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3327.

Максимов Владимир Иванович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/892.

Мендельсон-Прокофьева Мира (Мария-Цецилия) Александровна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/616.

Минцлов Сергей Рудольфович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/535.

Небогатов Михаил Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2091.

Нефедов Андрей Юрьевич (Андрей Ветер). URL: https://corpus.prozhito.org/person/9760.

Николаев Евдоким Николаевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/51.

Орлов Сергей Сергеевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/963.

Павлов Вячеслав Иванович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3356.

Поплавский Борис Юлианович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/523.

Поповский Марк Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2251.

Пришвин Михаил Михайлович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/56.

Работнов Николай Семенович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/57.

Рубин Виталий Аронович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/179.

Рязанов Эльдар Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/1616.
Самойлов (Кауфман) Давид Самуилович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/183.
Сидоров Руслан Геннадьевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/3381.
Ситников Владимир Николаевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/103.
Стародубов Анатолий Федорович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/316.
Твардовский Александр Трифонович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/189.
Харитонов Марк Сергеевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/194.
Чеменземинли Юсиф Везир. URL: https://corpus.prozhito.org/person/267.
Чуковская Лидия Корнеевна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/434.
Швец Владимир Афанасьевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/318.
Шитц Иван Иванович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/80.
Эйдельман Натан Яковлевич. URL: https://corpus.prozhito.org/person/254.
Юрьева Татьяна. URL: https://corpus.prozhito.org/person/356.
Яковлев Александр Александрович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/857.
Ярошенко Иван Иванович. URL: https://corpus.prozhito.org/person/2232.

Базы данных

Staroverova 2025 — *Staroverova P.* Topic-modelling-Prozhito (Revision f8a2cde). 2025. https://doi.org/10.57967/hf/6385.

Литература

Бонч-Осмоловская 2018 — *Бонч-Осмоловская А. А.* Имена времени: эпитеты десятилетий в национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги / Steps. Т. 4. № 3–4. 2018. С. 115–146. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146.

Володин 2023 — *Володин А. Ю.* Исторические исследования в контексте датаизма: методологический аспект // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 135–147. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-135-147.

Глущенко 2026 — *Глущенко И.* Луковица, или Удивительная жизнь Полины Знамёнкиной: опыт советской биографии. М.: Директ-Медиа, 2026.

Джеймисон 2019 — *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

Лебедева 2009 — *Лебедева Л. В.* Жизненные трудности крестьянки 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. / [Ред.-сост. Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 223–241.

Лейбов, Орехов 2022 — *Лейбов Р.*, *Орехов Б. В.* Между политикой и поэтикой: топика Крыма в современной русскоязычной наивной лирике // Шаги / Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 205–232. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-205-232.

Мельниченко, Сенюхин 2025 — *Мельниченко М.*, *Сенюхин А.* Корпус дневниковых записей «Прожито» // Парад цифровых гуманитарных проектов: Монография / Отв. ред. А. Ю. Володин. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 193–205.

Михайлин 2014 — *Михайлин В.* Скромное обаяние позднесоветского интеллигента: об одном из канонических типажей Олега Янковского // Отечественные записки. 2014. № 5. С. 140–156.

Муждаба и др. 2025 — *Муждаба А.*, *Павловская А.*, *Шерстнев Г* Цифровой архив «Прожито» // Парад цифровых гуманитарных проектов: Монография / Отв. ред. А. Ю. Володин. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 206–220.

Паперный 2016 — *Паперный В.* Культура Два. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Юрчак 2014 — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Goldstone, Underwood 2014 — *Goldstone A.*, *Underwood T.* The quiet transformations of literary studies: What thirteen thousand scholars could tell us // New Literary History. Vol. 45. No. 3. 2014. P. 359–384.

Goloviznina et al. 2026 — *Goloviznina V.*, *Sergeev A.*, *Melnichenko M.*, *Kotelnikov E.* Do LLMs understand why we write diaries? A method for purpose extraction and clustering // Internet and modern society: 28th International Conference, St. Petersburg, Russia, June 23–25, 2025: Proceedings. Pt. 1. Springer: Cham, 2026 / Ed. by M. Bakaev et al. P. 70–85. https://doi.org/10.1007/978-3-032-04958-2_6.

Marjanen et al. 2021 — *Marjanen J.*, *Zosa E.*, *Hengchen S.*, *Pivovarova L.*, *Tolonen M.* Topic modelling discourse dynamics in historical newspapers // Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Publications. Vol. 3. No. 2. 2021. P. 63–77. https://doi.org/10.5617/dhnbpub.11235.

Röder et al. 2015 — *Röder M.*, *Both A.*, *Hinneburg A.* Exploring the space of topic coherence measures // WDSM'15: Proceedings of the Eighth ACM International Conference on Web Search and Data Mining. [New York]: Association for Computing Machinery, 2015. P. 399–408. https://doi.org/10.1145/2684822.2685324.

Vorobeva et al. 2025 — *Vorobeva V.*, *Bonch-Osmolovskaya A.*, *Kryukov A.*, *Podriadchikova M.* Distant reading of Soviet diaries // Digital Scholarship in the Humanities. Vol. 40. No. 3. 2025. P. 956–968. https://doi.org/10.1093/llc/fqaf038.

Yang et al. 2011 — *Yang T.-I.*, *Torget A.*, *Mihalcea R.* Topic modeling on historical newspapers // ACL HLT 2011: Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities LaTeCH: Proceedings of the workshop. 24 June, 2011. Portland, Oregon, USA. Madison: Omnipress, 2011. P. 96–104.

References

Bonch-Osmolovskaya, A. A. (2018). Names of time: Epithets for decades in the Russian National Corpus as a projection of cultural memory]. *Shagi / Steps*, *4*(3–4), 115–146. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146. (In Russian).

Glushchenko, I. (2026). *Lukovitsa*, *ili Udivitel'naia zhizn' Poliny Znamenkinoi: opyt sovetskoi biografii* [Onion, or the amazing life of Polina Znamenkina: A Soviet biography]. Direkt-Media. (In Russian).

Goldstone, A., & Underwood, T. (2014). The quiet transformations of literary studies: What thirteen thousand scholars could tell us. *New Literary History*, *45*(3), 359–384.

Goloviznina, V., Sergeev, A., Melnichenko, M., & Kotelnikov, E. (2026). Do LLMs understand why we write diaries? A method for purpose extraction and clustering. In M. Bakaev et al. (Eds). *Internet and modern society: 28th International Conference*, *St. Petersburg*, *Russia*, *June 23–25*, *2025: Proceedings* (Pt. 1, pp. 70–85). Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-032-04958-2_6.

Jameson, F. (1991). *Postmodernism*, *or*, *The cultural logic of late capitalism*. Duke Univ. Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv12100qm.

Lebedeva, L. V. (2009). Zhiznennye trudnosti krest'ianki 1920-kh gg. [The hardships of a peasant woman in the 1920s.] In E. F. Krinko, & T. P. Khlynina (Eds.). *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* (pp. 223–241). Izdatel'stvo IuNTs RAN. (In Russian).

Leibov, R., & Orekhov, B. V. (2022). Between politics and poetics: Topics of the Crimea in contemporary Russian-speaking naïve poems. *Shagi / Steps*, *8*(2), 205–232. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-205-232. (In Russian).

Marjanen, J., Zosa, E., Hengchen, S., Pivovarova, L. & Tolonen, M. (2021). Topic modelling discourse dynamics in historical newspapers. *Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Publications*, *3*(2), 63–77. https://doi.org/10.5617/dhnbpub.11235.

Mel'nichenko, *M.*, & Seniukhin, A. (2025). *Korpus dnevnikovykh zapisei "Prozhito"* [Corpus of diaries "Prozhito"]. In A. Iu. Volodin (Ed.). *Parad tsifrovykh gumanitarnykh proektov: monografiia* (pp. 193–205). Sib[irskii] fed[eral'nyi] un[iversite]t. (In Russian).

Mikhailin, V. (2014). Skromnoe obaianie pozdnesovetskogo intelligenta: ob odnom iz kanonicheskikh tipazhei Olega Iankovskogo [The discreet charm of the late Soviet intellectual: About a classic type played by Oleg Yankovsky]. *Otechestvennye zapiski*, *2014*(5), 140–156. (In Russian).

Muzhdaba, A., Pavlovskaia, A., & Sherstnev, G. (2025). Tsifrovoi arkhiv "Prozhito" [Digital archive "Prozhito"]. In A. Iu. Volodin (Ed.). *Parad tsifrovykh gumanitarnykh proektov: monografiia* (pp. 206–220). Sib[irskii] fed[eral'nyi] un[iversite]t. (In Russian).

Papernyi, V. (2016). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Röder, M., Both, A., & Hinneburg, A. (2015). Exploring the space of topic coherence measures. In *WDSM'15: Proceedings of the Eighth ACM International Conference on Web Search and Data Mining* (pp. 399–408). Association for Computing Machinery. https://doi.org/10.1145/2684822.2685324.

Volodin, A. Yu. (2023). Historical research in the context of dataism: Methodological aspect. *Perm University Herald. History*, *2023*(4, no. 63), 135–147. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-135-147. (In Russian).

Vorobeva, V., Bonch-Osmolovskaya, A., Kryukov, A., & Podriadchikova, M. (2025). Distant reading of Soviet diaries. *Digital Scholarship in the Humanities*, *40*(3), 956–968. https://doi.org/10.1093/llc/fqaf038.

Yang, T.-I., Torget, A., & Mihalcea, R. (2011). Topic modeling on historical newspapers. In *ACL HLT 2011: Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities LaTeCH: Proceedings of the workshop. 24 June, 2011. Portland, Oregon, USA* (pp. 96–104). Omnipress.

Yurchak, A. (2006). *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Princeton Univ. Press.

Информация об авторах

Дарья Романовна Галкина
стажер-исследователь,
Международная лаборатория языковой конвергенции, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
✉ *dgalkina@hse.ru*

Information about the authors

Darya Romanovna Galkina
Research Assistant, Linguistic Convergence Laboratory, Humanities Department, HSE University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Str., 20
✉ *dgalkina@hse.ru*

Борис Валерьевич Орехов
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Международная лаборатория
языковой конвергенции, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
✉ *borekhov@hse.ru*

Полина Викторовна Староверова
стажер-исследователь,
Международная лаборатория
языковой конвергенции, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
✉ *starowerowa.poly@yandex.ru*

Boris Valeryevich Orekhov
Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Linguistic
Convergence Laboratory, Humanities
Department, HSE University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ *borekhov@hse.ru*

Polina Viktorovna Staroverova
Research Assistant, Linguistic
Convergence Laboratory, Humanities
Department, HSE University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ *starowerowa.poly@yandex.ru*